

П О Е Д И Н О К С С У Д Ь Б О Й

Т Ъ Е Р И
К О Э Н

я выбрал бы жизнь

Москва
2018

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
К76

Thierry Cohen
J'AURAIS PRÉFÉRÉ VIVRE

© Editions Plon — Paris 2007

Перевод с французского *Нины Хотинской*
Художественное оформление *Петра Петрова*

Коэн, Тьерри.

К76 Я выбрал бы жизнь : [роман] / Тьерри Коэн ;
[пер. с фр. Н. О. Хотинской]. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2018. — 256 с.— (Поединок с судь-
бой. Проза Г. Мюссо и Т. Коэна).

ISBN 978-5-04-090911-7

Первый роман Тьерри Коэна, который принес ему славу. Искренняя, пронзительная история Жереми Делега читается на одном дыхании.

В минуту отчаяния, не в силах справиться с уходом любимой девушки, герой решает покончить с собой. А дальше начинается его существование между бытием и небытием, между реальностью и ирреальностью, границы между которыми столь зыбки, столь неясно очерчены, что порой и вовсе незаметны.

У Жереми появляется исключительная возможность — наблюдать со стороны собственную непрожитую жизнь. Жизнь, которая, как он с опозданием понял, стоит того, чтобы продолжать ее, несмотря ни на что.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Хотинская Н., перевод на русский язык,
2018

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-090911-7

*Эрику Хаиму Бенсаиду,
моему другу.
Чтобы сказать ему,
что я по нему скучаю.*

*Элен и Жаку, моим родителям.
Чтобы сказать им, что я их люблю.*

8 мая 2001

Таблетки, виски, травка. Лечь, вытянуться. Я знаю, что делаю. Думать только о способе. Думать только о действиях. Думать только обо мне, здесь, в этой гостиной, о бутылке, о таблетках. Только я. Пробка. Тюбик. Открыть рот, положить таблетку на язык, поднести к губам бутылку. Проглотить. Думать о способе. Ни о чем больше. Ни о папе, ни о маме. Только не о них. О моей обиде. Я здесь один. Я и моя обида. Я знаю, что делаю. Папа и мама поймут. Может быть. Поймут или нет, мне плевать! Нет... Не думать об этом. Ни о ком не думать.

Сегодня решаю я! Я не хочу больше жить. Жизнь — пытка, мучение. Решаю я. И я решил, я от нее отказываюсь. Я хозяин положения!

А если вдруг изменит мужество, если захочется встать, все прекратить, я подумаю о ней. О той, что и есть жизнь и что отвергла меня. Не о других, не о тех, кто меня любит, но о ней, о той, что не

любит меня, не хочет полюбить. Не хочет даже попытаться. Ее атласная кожа, зеленые глаза, улыбка. Ее улыбка! Ласка, которую дарит ее красота каждому, кто приближается к ней. Для меня она стала болью. Нет, все в ней — моя погибель, увлекшая меня в эту бездну. Бездна смерти против пустоты моей жизни. Какая разница?

Боже, как кружится голова. Боже... Зачем я к Тебе обращаюсь? Где Ты? Есть ли Ты? Слышал ли Ты мои молитвы? Итак, Господь, давай сведем счеты! Как ты мог, Господь милосердный, сотворить такое чудо рядом со мной — и мне в нем отказать? С какой целью? Чтобы я страдал? Ты добился своего! Я страдаю. Так страдаю, что не хочу больше жить. Что, доволен? Я возвращаю Тебе мое будущее. Отдай его кому-нибудь другому. Ты показал мне лишь пропасть — и я бросаюсь в нее.

Я не боюсь.

Думать только о способе. Бумажный конус все дымится. Еще немного дурмана. Уйти от себя, чтобы расстаться с ней. Вот, я уже плыву в дремоте от дыма и алкоголя. Скоро — таблетки. Это способ. Я обливаюсь потом. Но не боюсь.

Еще несколько секунд.

Думать о ней.

Я решил все ей сказать. Сегодня, в день, когда мне исполнилось двадцать лет. Освободиться от

сомнений. Наконец узнать. Я готовился... Но надо ли мне было готовиться? Я был полон слов, все — для нее. Но она не стала меня слушать, не захотела понять. Я говорил ей о нашей детской любви. О начале истории.

— Но нам же было десять лет, Жереми, — с улыбкой ответила она.

Десять лет. Это не так уж мало — десять лет. Я был безумно влюблен. И она меня любила.

Для нее — всего лишь детская игра, несколько невинных поцелуев, нежная дружба, милая мелодия. Далекое, поблекшее воспоминание.

Для меня — начало жизни. Теплый свет из поры до того лета, что разлучило нас.

— Мы ведь стали друзьями. Ты даже был моим наперсником!

Жалкая роль, которую мне пришлось играть все эти годы, чтобы быть с ней рядом. Видеть, как весь этот самовлюбленный сброд использует свою красоту, свои внешние данные. Она так любила нравиться. И тогда я отдалился. Попытался забыть ее. Тщетно. Боль, надежда. До потери дыхания.

С этим надо было кончать. В день, когда мне исполнится двадцать. Вроде ультиматума, который ставишь сам себе, чтобы сделать терпимым ожидание.

Сказать ей о моей любви, попытаться ее уговорить. Слова как жемчужины, время осело перламутром вокруг раны.

Я видел, что моя речь ее тронула.

Несколько секунд она была моей. Или мне это пригрезилось?

Появился он — и все рухнуло.

— Познакомься, это Юго. Мой жених.

От этих слов я застыл. Боль, моя спутница, притаившаяся где-то между сердцем и желудком, внезапно проснулась, сильнее прежнего. Как последний отчаянный штурм перед неизбежным концом.

Она моя. Только моя. Моя!

Я с такой силой думал, что выкрикнул это вслух.

Он ударил меня. Я упал — жалкое зрелище. Она удержала его. В глазах — нежность, в словах — жалость.

— Я люблю его. А тебя я не люблю, Жереми. Я никогда тебя не любила! И никогда не полюблю! Мне очень жаль.

Слова, чтобы унять его пыл, чтобы убить мою любовь. Каждое — как плевок в мою душу.

И они ушли.

И все кончилось.

Я докурил косяк. Лежу, вытянувшись, с таблетками в одной руке, с бутылкой в другой. Единственный выход.

До скорой встречи, Боже! Мы сведем с Тобой счеты! Тебе придется объясниться! Я не приму ни-

Я выбрал бы жизнь

каких оправданий. Заслужить прощение Ты мог бы только здесь. Что уготовил Ты мне там, за чертой, если здесь мой ад? Я предстану перед Твоим судом, чтобы ответить за мое прегрешение? Ты не приемлешь самоубийства, отвергаешь самоубийц? Меня Ты отверг при жизни. Ты в ответе за мой поступок!

Картины вставляли в мозг Жереми, как последние искры угасающего огня. Его родители смотрели, как он уходит. Мать, плача, тянулась к нему рукой. Отец взирал на него холодно. Потом появилась маленькая девочка и скользнула между ними. Сестренка заняла его место. Он застонал. Противник грозен! Надо действовать быстро, заглушить эту давнюю боль или обратить ее в свою пользу. Разве это не оправдание его поступка?

Он положил таблетки на язык и запил их глотком виски.

Холодное дыхание растеклось под кожей. Достаточно холодное и мощное, чтобы погасить двадцать лет его жизни. Ему послышался голос. Виктории? И то, что шептал ему этот голос, такой далекий, прорисовало улыбку на его окаменевшем лице.

«С днем рождения, Жереми!»

Он проснулся от света. Приятное тепло окутывало его. Ему было хорошо.

Его последняя мысль перед смертью была о потустороннем мире, с надеждой прийти к чему-то лучшему и найти ответ.

А теперь нежный свет лизнул его веки.

«Я умер, и мой путь окончен. Я пойду дальше, за грань, к яркому свету, к истине. И, может быть, пойму смысл моей жизни».

Он полежал, ожидая движения, которое понесет его к этому свету. Но почему-то не приблизился к нему.

Что-то ласково коснулось его живота. Это ощущение удивило его. Потом он почувствовал тяжесть собственного тела и, кажется, услышал биение сердца.

Мысль пронзила его ужасом: он еще не умер!

Он попытался открыть глаза, и сияние ослепило его.

Размытое видение, потом что-то шевельнулось.

Он вздрогнул. Очертания, тени и цвета постепенно проступали: каштановые волосы, женское лицо.

«Не может быть! Это сон! Предсмертный бред! Это лицо... Абсурд!»

Опираясь подбородком на две длинные руки, сплетенные на его животе, на него с улыбкой смотрела Виктория.

Жереми оцепенел, словно загипнотизированный этим невероятным видением.

— Ну что, проснулся наконец? — тихо сказала она.

«Лицо Виктории. Ласка Виктории. А теперь — ее голос».

— Ну же, лодырь! Подъем!

Пальцы Виктории гладили его грудь.

«Она здесь, рядом. Она смотрит на меня, говорит со мной...»

— Ты собираешься просыпаться или я встаю?

Он попытался пошевелиться и, к своему удивлению, протянул руку к руке Виктории, коснулся ее.

«Что это — сон, иллюзия, фикция? Кто ее режиссер? Бог? Дьявол?»

Его охватили одновременно страх и восторг. Хотелось кричать, плакать, смеяться.

Он решил радоваться мгновению, поддавшись этой галлюцинации, которую подарила ему смерть.

Виктория прижалась к нему. Ее кожа показалась ему легким шелком, скользнувшим по его телу. Еще нежнее, чем в его снах. Когда ее лицо оказалось в нескольких сантиметрах от его лица, он не отвел

глаз, любуясь каждой его черточкой — огромными зелеными глазами, длинными ресницами, губами, приближавшимися теперь к его губам.

Сколько раз ему снилось, как он обнимает ее.

Она нежно поцеловала его в губы, и он отдался этому сладостному бреду.

«Какая разница, реален этот момент или нет? Я в нем живу!»

— Слушай, ты не мог бы живее откликнуться? — возмутилась она. — Если у месье день рождения, значит, месье имеет право лежать бревном?

День рождения? Он вздрогнул. Что это значит? Неужели смерть уважила ультиматум, отвергнутый жизнью? Или там, в глубинах бездны, время и небытие столкнулись, слились, чтобы даровать ему последнюю радость? Он решил насладиться моментом, прожить до конца этот бред, прежде чем окончится его земной путь.

Она прильнула к нему всем телом, и ему показалось, что ее кожа тает и растекается в нем.

Жереми лежал, не смея шевельнуться.

— Да обними же меня! — нахмурилась она.

Потом подняла голову и посмотрела на него с лукавинкой в глазах.

— Ты не хочешь подарка?

Она снова поцеловала его, и Жереми ощутил вкус ее губ. Он чувствовал себя пьяным, убаюканным грезой, до реальности выпуклой.

— Я погашу свет, — шепнула она.

«Не надо темноты, нет еще! Мрак поглотит нас, заберет Викторию и уведет меня к концу моего пути! И этой передышке, такой чудесной, придет конец!»

Свет погас, но Виктория осталась рядом с ним.

— Теперь ты обнимаешь меня слишком крепко. Я не могу шевельнуться, — сказала она ласково, с улыбкой в голосе.

Она по-прежнему лежала рядом.

Жереми держал ее за руку. Он боялся, что оргазм станет завершением его сна. Сколько снов заканчивалось именно так! Он лежал неподвижно, со страхом ожидая мгновения, когда придется расстаться с ней и наконец умереть.

Виктория уперлась подбородком в его грудь и прошептала:

— Знаешь, глупо, но я не могу не думать, что год назад... ты хотел умереть. Из-за меня.

Сев на постели, потрясенный, он пытался осмыслить слова Виктории.

«Год назад? Мой день рождения? Так мы живы? Почему я не помню этот год?»

Его рассудок пошатнулся под натиском безумных вопросов, обрывочных мыслей, абсурдных ответов и предположений.

Несуразность ситуации стала невыносимой, и он поднялся. Нервно потер затылок, силясь принять решение.